

Екатерина МИТРОФАНОВА

г. Петрозаводск

Сердце лебедя

Маленькая трилогия

Щучье рыло

Голова у Ленки была похожа на шарик: круглая, простая и пустая. Ниже — растянутый тёмно-синий свитер, в котором Ленка проходила весь год, и светло-голубые джинсы. Она то одёргивала ворот, то внимательно изучала глазами стены, как будто там непременно должна быть подсказка. Баба, наша историчка, в ожидании ответа на заданный ею вопрос листала классный журнал, что-то чирикала шариковой ручкой и не обращала внимания на молчашую у доски Ленку. В кабинете стоял гомон.

— Эй, Маркова! Садись уже! Всё равно ничего не знаешь, — не выдержав Ленкиной глупости, крикнул я.

Маркова сделала вид, что не услышала. Сочувствующие девочки с первых парт шептали Ленке ответы, которые из-за шума невозможно было разобрать. А остальные, воспользовавшись отсутствием внимания учителя, беседовали во весь голос.

— Чтобы арабы на Галлию не напали, — не вытерпев, крикнула Вика, которой всегда до всего есть дело.

Баба медленно окинула взглядом класс, и все постепенно замолчали. Вика виновато уткнулась в учебник. Баба рывкнула:

— Не подсказывать! — а потом повернулась к Марковой и мягко повторила воп-

рос: — В чём же, Лена, был смысл этой военной реформы?

Ленка ещё больше затеребила ворот и жалобно, виновато смотрела на Бабу.

— Скажи хотя бы, чья это была реформа? — в отчаянии, стараясь выжать хоть что-нибудь из расстроенной Ленки, спросила Анна Валерьевна.

— Карла Ммм... — пыталась вспомнить Маркова.

— Садись, плохо. Я не знаю, что с тобой делать, — обреченно и печально вздохнула Баба. — У тебя за четверть выходит твёрдая двойка.

В окна любопытно заглядывали окутанные снегом деревья. На крышах соседних домов лениво лежал пушистый снежный покров. Вдалеке среди белого снега выделялась тёмная полоска — дорога. По ней скучно, монотонно проезжали машины то в одну, то в другую сторону. Слушая историчку одним ухом, я смотрел в окно, представлял запах свежего морозного воздуха и думал о Ленке. Мне хотелось понять, из-за чего Маркова такая жалкая, неуверенная и глупая.

— Анна Валерьевна, у меня ручка кончилась! — завопил Коротков.

— Пиши ножкой, — спокойно ответила Баба и продолжила рассказывать про феодальную раздробленность.

Она рассказывала увлекательно. После её уроков казалось, что я посмотрел захватывающий исторический фильм, но сегодня моя голова была занята еще и Марковой. И всё равно, погружённый в свои мысли, я попутно представлял, как распадалась империя и как рыцари, бароны и графы стояли на феодальной лестнице, а на самом верху, надменно смотря на всех с высоты, на золотом, обитом бархатом троне сидел король.

В дверь постучали. Класс сразу оживился.

— Бабенко Анна Валерьевна? — спросила невысокая женщина, неуверенно заходя в кабинет. Баба встревоженно зашагала ей навстречу, легонько вытолкнула в проём, и они оказались в коридоре. Дверь закрылась.

Каждый занялся своим делом. Между головами Новикова и Гладинова я увидел лицо отличника Сережи. Он повернул голову в конец класса и глазами кого-то искал, потом резко повернулся обратно и что-то записал. Сидев-

шая рядом Юля торопливо строчила, переписывая из тетради в тетрадь. Марина со среднего ряда, приподнявшись и вытянув шею через проход между партами, тарасилась в тетрадь Юли. Третья парта среднего ряда всю игрула в морской бой, бросая друг в друга матерные слова, а на второй сидели две дуры — Лаврова и цыганка Киззи. Они хихикали и тыкали карандашом в спину тихонько сидящей перед ними Ленки Марковой. Она то оборачивалась и круглыми от возмущения и обиды глазами смотрела на них, то не двигалась, как подушка для иголок, позволяя им делать с собой всё что угодно. Иногда, резко обернувшись, сдавленно шептала девочкам: «Хватит!», а они в ответ только ржали над чуть ли не плачущей Ленкой, не скрывая своего презрения, ненависти и злости.

«Сама виновата, — думал я. — Надо было постоять за себя, как только обижать начали. А она как игрушка живая — плачет, но не дёрнется». Дневной свет из огромных высоких окон залил кабинет так, что включенные лампы казались просто бесполезными жёлтыми серединами люстр-цветков: вроде горят, а светлее не делается. На фоне ослепительной белизны снега стены кабинета выглядели грязными и мрачными. В классе было тускло и душно по сравнению с улицей. Мягкие, как подушки, сугробы, словно зазывали меня к себе. Мне хотелось уйти, прогулять остальные уроки, но я остался. Мне всё ещё хотелось узнать, почему Ленка... такая.

Со звонком стадо шестого «А» рвануло с мест. У кого-то портфели были собраны заранее, кто-то в них ещё копался, а кто-то полез в журнал, лежащий на учительском столе, и искал там себя. Я прошёл мимо грустной, собирающей портфель Ленки, задев её плечом, сказал: «Маркова, чё историю не учишь?» и направился курить. В правом маленьком кармане рюкзака я нашупал папироску и коробок спичек. Когда не хватало карманных денег на сигареты или, как назло, никто не продавал, в ход шла заначка — вытащенные втихаря из отцовской пачки папиросы.

К курилке — месту, которое не видно ни из одного окна школы, — я вышел без куртки и пристроился сбоку, вдали от старшеклассников. Неумело закурив, убрал спички обратно в

рюкзак, затянулся и закашлялся. Мороз вонзал в тело свои шипы, отчего я съеживался и подёргивался. Дылды из десятого с дебильной улыбкой что-то обсуждали и выдували дым, важно закинув головы. Я смотрел то на окутанные снегом деревья, то на купола церкви, видневшиеся вдаль, то на парней из старших классов, то на небо, в котором представлял Маркову: неуверенную, забитую и жалкую.

Докурив и окончательно замёрзнув, я кинул на землю окурки и пошёл на урок.

На уроках ИЗО нам разрешали садиться куда захотим. Учительский стол находился в конце кабинета, и поэтому все двоечники занимали передние места. Я сел за Лавровой. Справа от неё, конечно же, Киззи. Столы напоминали крутую горку, и я ради развлечения скатывал с неё карандаш. Он с шумом летел вниз и приземлялся в выемке, которая предназначена для удержания листа бумаги на столе. Ирина Владимировна не обращала на меня никакого внимания, впрочем, как и на остальных. В кабинете царил хаос. Единицы рисовали, остальные либо занимались своим делом, либо мешали рисовать тем, кто пытался. Я оставил карандаш в покое и дернул Лаврову за хвост, как за верёвочку от хлопушки.

— Ты урод! — взорвалась Дашка. — Себя за кое-что подёргай.

Лаврова кипела, как забытый на плите чайник. Она встала из-за парты, немного задрала подбородок, оскалилась и пошла на таран. Её пальцы больно вцепились мне в волосы и потащили вниз. Я поймал Дашкины руки, кое-как выпутался и оттолкнул её в направлении школьной доски. Доска задрожала от Дашкиного тела, как полотнище флага на сильном ветру. Я кинулся в бой.

— Тише! Вы что тут устроили? Разве можно мальчикам бить девочек? Сядьте на места! Я же вам дала задание! Выполняйте! И нечего тут драки устраивать! — разнимая меня с Лавровой, кричала Ирина Владимировна. Класс затих. Дашка сверлила меня ненавидящим взглядом, а я в ответ злобно улыбался и кривил рожицы. Училка села на своё место, и все постепенно зашумели, как не настроившийся на нужную частоту радиоприёмник.

Лаврова была из обеспеченной семьи и поэтому возвышала себя до небес. Всегда ходила

модная, по последнему писку, презирала тех, кто носит вещи из гуманитарки. И сейчас она сидела в джинсах-клёш, белой приталенной блузке с рукавами в три четверти, а на манжетах красовались серебристые стразы. Тёмно-русые волосы были аккуратно убраны в хвост, напоминающий лошадиный. «Снаружи — густо, внутри — пусто», — подумал я.

Дашка, всё ещё kloкочущая от злости и обиды, повернулась ко мне и нанесла ответный удар:

— Ты такой же дебил, как твоя мамаша-алкоголичка! — и прыснула мне синей гуашью в лицо.

— Сука! — выстрелил я.

Играя желваками, я встал из-за парты, взял её за голову и свалил на пол. От такого оскорбления меня разрывало изнутри, как кукурузу в духовке. Поднимаясь, Лаврова злобно уставилась на меня и как будто готовилась к следующему нападению, выискивая мои слабые места, как дикий зверь.

— Да что же это такое! — закричала Ирина Владимировна и указала мне пальцем на дверь: — Вон из класса!

А я совсем и не против — хотелось поскорее смыть синие следы от гуаши, размазанной по лицу. Свет в коридоре был тусклым. Я пошёл в самый конец — к туалету. Злость текла во мне бурным потоком, и я придумывал планы мести. В голову приходило только одно — побить после уроков. Но разум эту идею отбрасывал, заставляя меня искать более хитрые и результативные варианты. В уборной я умыл лицо. Вода была ледяной, но я стерпел и ещё ополоснул шею. Гордость, задетая Лавровой, пульсировала во мне, как до слёз прищемленный в дверях палец.

«Ей всё равно. Сказала мне гадость и всё забыла. Наверное, сидит там и достаёт Гончарову или Маркову. Пакости делает и ржёт как лошадь, — мстительно размышлял я. — А я тут, как дурак, страдаю! Но если не отомщу, она поймёт, что я — слабак». Ждать до конца урока я не мог и, как голодный вампир в поисках свежей крови, ворвался в кабинет ИЗО.

— Лаврова — жирная корова! — придумал я на ходу и громко добавил: — Тупая как пробка, пуста как коробка!

— Ты что тут за балаган устроил?! — завопила Ирина Владимировна с конца кабинета. — А ну-ка вон из класса! Сегодня же классной ру-

ководительнице всё доложу! И с родителями на собрании побеседую!

— Шучье рыло, дверь закрыло! — выстрелила в ответ Дашка.

Я хлопнул дверью со всей дури.

Щучим моё рыло прозвали ещё в пятом. Скорее всего, из-за вытянутого вперёд лица, большого рта и круглых глаз, которые вдобавок были ещё и зелёного цвета. «Ну и пусть щучье, — с досадой подумал я и, разочарованный, зарифмовал: — Месть как эхо в тишине: крикнул раз — ответ вдвойне».

Улыбка Моны Лизы

Окна старенького серого одноэтажного здания, встретившегося нам по пути в школу, хмуро смотрели в небо, как будто думали о чём-то важном. Резко нажав кнопку звонка на одинокой железной двери, пристроившейся справа от задумчивых окон, мы рванули со всех ног. Скрывшись с места преступления, остановились. Раскрасневшиеся и весёлые, мы сразу не могли отдышаться и стояли, наклонившись к согнутым в коленках ногам, как спортсмены после финиша. Немного придя в себя, побрели на урок.

Комковатые горы снега, освещённые солнцем, сияли так, будто кто-то посыпал их алмазной крошкой. Ещё не тронутые ногами прохожих сугробы, ровные и чистые, манили нырнуть в них и повсюду оставлять от своего тела следы ангела. Мы свернули с дороги на тропу, ведущую к школе, и перед нами открылся настоящий зимний лес, сквозь пушистые лапы высоких елей просачивалось солнце, освещая самые тёмные его уголки. Сияющая зимним блеском тропа извивалась и уходила вглубь. Пахнущий хвоей морозный воздух, врываясь в лёгкие, наполнял свежестью, радостью и ощущением свободы.

Еловые ветки с высоты тянулись вниз под тяжестью снега, как будто кланялись. Мы шли медленно и молчали. Каждый думал о своём. Когда лес закончился, перед нами открылось белое поле, будто кто-то рассыпал сахар. Вдали, с правой стороны сквозь деревья виднелось здание нашей школы, к которой по свежему снегу уже протоптали тоненькую, но глубокую

дорожку, а с левой — серые купола деревянной церквушки, тропинки к которой еще не было. Наш одноклассник Серёжа плёлся с большим, туго набитым рюкзаком за спиной метрах в пятнадцати впереди нас, поправляя его каждую минуту. Поравнявшись уже на подходе к школе, почти на крыльчке, мы заговорили.

— Серый, дай списать таблицу по географии и русский, — попросил я вместо приветствия.

— Русский же первым. Не успеете.

— Успеем! Серый, выручай! До урока десять минут. А географию на русском спишем. А? — жалобно настаивал я.

— Ладно, — сдался Серый, снял рюкзак с плеч и полез за тетрадами.

К школе парами или небольшими компаниями постепенно подходили ребята. Новиков по пути толкал Гладинова в сугроб, а тот, в свою очередь, поднимался и с разбегу ронял Новикова. Марина шла с Машей, что-то бурно обсуждая, а сбоку плелась Нестерова, пытаясь вклиниться в их разговор. Вдалеке на фоне ослепительно белого снега выделялась бордовая шапка Ленки Марковой. Она шла одна.

К окошку гардероба было не пробраться. Толпа школьников напоминала тупое стадо овец, столпившихся у кормушки. Я обреченно вздохнул и нырнул вглубь, волоча за собой куртку. Дима уже стоял там, около окна. Мы сдали куртки, заодно схлопотав по кумполу от старшеклассников за наглость, и пошли в тридцать четвёртый. Возле кабинета никого не было. Я подёргал дверь — заперто. Мы положили рюкзаки на пол и уселись на них.

— Тебе кто из наших девочек нравится? — немного помолчав, начал Дима.

— Никто. Все дуры набитые, — рассудительно ответил я, будто собаку на этом съел.

— А Нестерова? Она ж отличница, — и, расплывшись в улыбке, мечтательно протянул: — Краси-ивая.

— Да так... Тоже умом не блещет, хоть и отличница. И говорит фигню всякую.

— А тебе, значит, умных подавай? — удивлённо поднял бровь Димка.

— А дуры на кой нужны? — на полном серьёзе выдал я.

— А мне все нравятся, кроме Маринки и Марковой. Одна — толстая, другая — забитая какая-то. Бр-р! — вздрогнул Димка, будто

представил дохлую кошку. — Аж думать о ней противно!

Постепенно в коридоре собралась оживленная толпа школьников, маячивших туда-сюда, но они скоро рассосались по кабинетам. А наши парни расположились вдоль стены на рюкзаках, как и мы, девчонки залезли на подоконник. Маринка списывала с чьей-то тетради домашку, и я вспомнил про русский. Внезапно звонок остервенело ударил по ушам, и в коридоре стало совсем тихо. Только наш класс по-прежнему сидел под дверью кабинета и болтал. Я второпях строчил слова, подчёркивая карандашом какие-то гласные, которые были аккуратно выделены у Серёжи. С лестничной клетки слышались шаги, и мне подумалось, что это Баба, наша историчка, помимо истории, она вела ещё и русский. Прикрыв тетради, я выжидающе уставился в конец коридора, откуда доносился звук.

Елена Борисовна, классная, напоминала громоздкий дорогой комод: бордовый жакет, юбка и короткие волосы гранатового цвета ассоциировались с красным деревом, крепким и непробиваемым. Ее массивная внушительная фигура двигалась прямо на нас, как танк.

— Урока русского не будет. И истории тоже сегодня не будет. Она, насколько я помню, последняя? — глухо заговорила классная. Лицо её было покрыто красными пятнами, а губы чуть дрожали. Мы почувствовали что-то неладное. — Значит, можете идти домой после четвёртого, — теперь и голос у неё дрогнул. — Эту и, возможно, следующую неделю историю у вас будет вести Олег Викторович, — тихо, что для неё не свойственно, говорила класснуха и, секунду помедлив, добавила: — Анна Валерьевна уволилась.

У меня в груди как будто что-то оборвалось и затрещало. Свет в коридоре, казалось, угасал, становился тусклым и безжизненным. Ошарашенные новостью, мы молча, стараясь не нарушать тишины, побрели к выходу.

Мне не давала покоя мысль: из-за чего? Я подошел к окну гардероба, возле которого совершенно никого не было, попросил куртку и вышел на улицу. С неба огромными хлопьями валил снег. Маркова уже топала в сторону дома, по-видимому, она не собиралась возвращаться ко второму уроку. А я направился к заброшенному заводу, который находился в

той же стороне, что и Ленкин дом. Плестись за ней следом мне быстро надоело, и я подбежал к Марковой ближе. Словно кожей почувствовав меня за спиной, Ленка ускорила шаг. Я всем своим телом ощущал её страх. Казалось, она ждала от меня нож в спину, но я не хотел её напугать! Я только хотел поговорить или просто пойти рядом! Я вдруг почувствовал себя жестоким, злым негодяем, чуть ли не убийцей. От этого мне стало тошно.

— Чё домой свалила? — и сам не понял, как вырвалось у меня. — Прогульщица!

Она остановилась и робко обернулась. Я впервые в жизни заглянул в её глаза, добрые, жалобные, просящие о помощи, по-детски наивные и испуганные, как у маленькой серой мышки, увидевшей огромного голодного кота. В этот момент мне показалось, что я ощутил всю боль, все её страдания на себе. Я вдруг сам стал ею, Ленкой Марковой, жалкой, забитой, замученной. Ленке Марковой во мне не хотелось быть ни в школе, ни дома — ни здесь, ни там. Ей хотелось не быть совсем, умереть, чтобы от нее все отстали.

— Я отпросилась, — соврала Лена пищащим, еле слышным голосом, опустила глаза, отвернулась и потихоньку пошла, опасливо, будто ждала от меня толчка в спину или хоть пинка под зад.

Теперь я её понимал, чувствовал, знал и... любил. По-настоящему, как мальчик любит девочку, Бог любит человека, мать — сына. Одной любовью, объединяющей все сущее.

Домой мне идти не хотелось, и я решил дожидаться второго урока на старом заброшенном заводе, что недалеко от школы, — это было моё любимое место.

Я вошёл в здание через пустой проём, в котором когда-то была дверь. Поперёк высоких потолков тянулись какие-то ржавые металлические конструкции. Через огромные разбитые окна пробивался снег, перемешанный с ветром и светом. Пол был бетонным, грязным и мерцал от наледи, будто усыпан алмазами. Ближе к окну холмиками разлеглись сугробы. Напротив окон — вход в другое помещение, темное и мрачное. Свет изо всех сил пытался туда заглянуть, но осветил лишь малую часть — у порога. Я заглянул, но кроме черноты ничего там не увидел. Облокотившись спиной о стену и сползая вниз, я сел на холодный бе-

тонный пол, закрылся руками и сам не заметил, как заснул.

— Эй, — слышалось слева. Тонкий тихий голос едва уловимым эхом пронёсся по зданию. Я поднялся. Из окон уже не валил снег, не прорывался ветер. Солнечные лучи уже не так ярывались в здание, освещая каждый уголок, вокруг потускнело. Ленка стояла с рюкзаком и, по-видимому, так и не заходила домой.

— Лена? Что ты здесь делаешь? — от неожиданности смущенно и неуверенно спросил я и сам удивился не свойственной мне робости.

Ленка улыбнулась одними кончиками губ, и меня вдруг ударило. Я же никогда ещё не видел, как улыбалась Маркова! Наверное, никто не видел этого чуда! Улыбка была еле заметная. Загадочность и тайна читались в ней. Чистая, девственная, нежная и как будто бы святящаяся, она наполняла меня чувством неподдельного счастья, свободы и любви. Вот она, улыбка Моны Лизы...

— Это ты что здесь делаешь? — красивым и тонким, как ниточка, голосом поинтересовалась она, не ответив на мой вопрос.

— Сплю. Не видишь, что ли? — с серьёзной шутливостью хохотнул я.

Я демонстративно достал из рюкзака банку пива, купленную втридорога у старшеклассников на пирожковые деньги, и начал открывать. Банка пшикнула, я по-взрослому отхлебнул сразу большой глоток, красуясь перед Марковой, и по горлу потекла ледяная жидкость, разливаясь по всему телу. Я предложил даме, но Ленка отмахнулась, как бабка, увидевшая чёрта.

— Это для сугреву. А то заболел. Холодно тут спать всё же, — попытался оправдаться я и, стараясь произвести впечатление, отхлебнул ещё.

— А зачем спал тогда?

— А чтобы, Лен, ты ко мне пришла, разбудила и спасла от участи замёрзнуть тут и умереть от холода, — хихикнув, снисходительно ответил я.

Ленка повеселела, да и я тоже. По дороге к её дому я рассказывал ей смешные, где-то немного привранные истории из своей жизни. Говорил о чём угодно, лишь бы рассмешить или удивить Маркову. Рассказывал про своего толстого пушистого кота, попугая Бориса, которого чуть не сожрал Мурзик и которого я по-геройски якобы вырвал из Мурзиковых лап. Ленка, чуть склонив голову набок, внима-

тельно слушала, верила во все мои подвиги, несмело улыбалась и смотрела на меня добрыми, любующимися глазами, в которых светилась робкая, трепетная лебединая нежность. Я рассказывал так живо и увлечённо, что не давал ей возможности говорить много. Да она много и не говорила. Лишь изредка вставляла какие-то фразы, восхищалась, отвечала, но о себе ничего не рассказывала.

Подойдя к дому, улыбка Марковой внезапно пропала, как будто она вдруг увидела что-то огромное, страшное и злое. Мы попрощались, и я побрёл обратно, задрав голову вверх. По высокому небу проплывали перламутровые перьевые облака. Они словно смотрели на меня, а я на них. Было тихо, и даже ветер не решался нарушить эту безмятежность. В груди было тепло, хорошо и спокойно...

Святящаяся Ленка

Олег Викторович был невысоким, худощавым и смуглым. На носу сидели большие квадратные очки, делающие его глубоко посаженные глаза огромными. Он сидел за столом и несмело улыбался заходящим в кабинет ученикам, дескать, «я друг, а не враг». Прозвенел звонок, и стадо разбрелось по местам.

— Давайте знакомиться. Зовут меня Олегом Викторовичем. Я буду вести у вас историю, — доброжелательно начал он, приглядываясь к ребятам. — Вы, как я понимаю, шестой «А»?

— Да, — с готовностью участливо ответила Вика, сидящая на первой парте, прямо перед носом историка. Все остальные по-прежнему гомонили, не обращая внимания на нового учителя.

— Тихо, тихо. На прошлом уроке вы проходили феодальную раздробленность, судя по журналу. Так? — продолжал Олег Викторович, повысив голос, чтобы перекричать шум.

Снова только Вика положительно кивнула в ответ, с любопытством ловя каждый жест нового учителя.

— Значит, сегодня я расскажу вам про Англию в раннее средневековье. Согласны? Но сначала мы проверим, как вы усвоили предыдущий материал. Кто желает получить пятерку? — наигранно, словно с первоклашками, разговаривал с нами Олег Викторович, окиды-

вая взглядом немного успокоившийся класс.

Ленка неуверенно подняла руку, и стадо зашумело ещё больше. «Лошади» сзади поржали и лягнули её копытом по голове.

— Замечательно, — обрадовался Олег Викторович и добавил полуласковым тоном: — Как твоя фамилия, юная принцесса?

Класс взорвался. Ребята заржали всем табуном. Все гоготали, будто надрываясь от зависти, что первый комплимент от нового учителя, да еще и такой, получили не они, а сама Маркова! Ничтожная, грязная букашка, которую каждый из них не брезговал давить только башмаком.

— Тише-тише! Заткнулись все! — теряя терпение, прокричал Олег Викторович, стуча указкой по столу.

— Маркова, — почти беззвучно, одним губами шепнула Ленка.

— Как? Я не расслышал.

— Она немая! — ехидно прошипела Лаврова.

— Ты-то вообще помолчи, дура набитая! — не раздумывая, вмешался я. Мне стало обидно за Ленку.

— А ты у нас глухая? Я же сказал «тише», а ты не слышишь ничего, — отчитал историк Лаврову. И снова обратился к классу: — Замолчите все!

— Маркова, — чуть громче сказала Ленка.

В классе наконец-то стало более-менее тихо, и Олег Викторович удовлетворенно улыбнулся.

— А имя твоё как?

— Лена.

— Елена Маркова, — проводя пальцем по журналу, бурчал учитель. — Елена Маркова... Елена Маркова... Художница есть такая, Еленой Марковой зовут. Не слышала?

Ленка отрицательно покачала головой и начала отвечать. Класс постепенно замолкал, как замолкают аплодисменты в театре перед началом спектакля, и наступила тишина. Шестой «А», не веря своим ушам, внимательно слушал ответ Марковой, ожидая провала. Ленка отвечала несмело, боязливо, тихо, но правильно. Я закрыл глаза и пытался уловить каждое её слово. Передо мной всплывали образы герцогов, графов, королей, рыцарей. Переплетаясь с образами предыдущего урока истории, создавался целый мир, в котором беспощадно велись междоусобные войны, распалась империя, а территории великих государств дробились на части, как льдины в море.

После уроков, когда все разошлись по домам, я стоял в курилке и наблюдал за школьным входом, выжидая, когда выйдет Маркова. Снег валил что есть силы и мешал разглядеть, кто выходит из школы. Вскоре показалась высокая бордовая шапка Ленки, и я зашагал за ней.

— Ленка, подожди меня, вместе пойдём, — подбежав к Марковой, сказал я. — Классно ты сегодня на истории отвечала! И на географии, и на физике задачу у доски решала! — радовался я за Ленку. И, немного помолчав, добавил: — Я вот, болван, всегда ни к чему не готов.

Ленка шла молча и улыбалась, пряча чуть обветренные тонкие губки в обмотанный вокруг шеи коричневый в катышках шарф.

— Я вот даже и к тебе готов не был... — вдруг вырвалось у меня. Ленка остановилась и удивлённо уставилась на меня. Я смущённо опустил глаза, а щёки залились красным румянцем. — Ты вот есть сейчас, а я даже не знаю, что делать, что говорить, — немного помолчав, переминаясь с ноги на ногу и отводя взгляд, продолжил я.

Маркова долго смотрела на меня ошеломленными глазами, в которых промелькнули искорки радости, как бы спрашивая: «а между нами что-то есть?», и на мгновение мне показалось, что она и вправду немая. Мы зашагали по узенькой тропинке в сторону Ленкиного дома. По дороге я предложил свернуть и зайти к Бабе.

В дверях завел трель долгий и нудный соловей. Послышалось шарканье тапок и звук открывающегося замка. Баба стояла перед нами в красном цветастом халате, стареньких синих тапках и с распущенными чёрными волосами. Гладкие и шелковистые, как в рекламе шампуня, они изящно спадали по плечам. Я даже не догадывался, что туго убранные в пучок волосы исторички на самом деле такие длинные и красивые! Почему она скрывала это богатство? Баба была совсем не бабой, а юной девушкой. И даже не учительницей истории и русского языка, а будто бы просто старшеклассницей. Я вдруг вспомнил убранные в длинный хвост каштановые волосы Ленки. Какие они, наверное, красивые, если их распустить...

— Какими судьбами? — уставилась на нас Анна Валерьевна.

Глаза Бабы были большие, удивлённые и даже ошарашенные от неожиданности. Это всё

равно что увидеть кота, спящего в обнимку с мышкой. Мы не удивились её реакции.

— Здравсьте, Анна Валерьевна. Мы хотели узнать, из-за чего вы ушли? — напрямик спросил я.

Баба вздохнула, сжала губы и жестом позвала внутрь, мол, заходите. Мы прошли в прихожую, разделись и направились в кухню. Баба налила в чайник воды и шелкнула кнопкой.

— Ты же прекрасно знаешь, в чём дело, — отвернув глаза в сторону окна, начала историчка. — И я не понимаю, почему ты ко мне пришёл. Ты сам всё видел и самый первый рванул вниз, распихал всех, кто проходил мимо и смотрел на неё чуть ли не всю большую перемену, — взволнованно говорила Баба. Голос её дрожал.

— На кого? — неуверенно спросил я и посмотрел на Ленку.

Ленка робко сидела в сторонке и молчала. Вокруг неё сиял ободок света, и я даже подумал, что это пиво на меня плохо действует.

— На кого-на кого! Ты издеваться надо мной пришёл? — не выдержала историчка. Глаза её заблестели от слёз. — Ленка Маркова с окна прыгнула, когда мы окна законопачивали в кабинете истории! По осени ещё! Вспомнил? Ползими это дело рассматривали, меня муржили...

В голове всплывали туманные воспоминания: открытые окна, усыпанный янтарём двор школы, почти голые деревья и бледное плоское

небо. Все дружно законопачивали окна на втором этаже, смеялись, шутили, и лишь вечно грустная Маркова пристроилась в самом последнем окне класса. Лаврова, как обычно, бросала в неё обидные слова, Киззи мерзко хихикала, а класс презрительно взирал на бедную, замученную Ленку, как на таракана. Вдруг, распахнув створки окна, она спрыгнула вниз, легко и непринуждённо, как будто ни о чем не думая — беззаботно полетела, как птица...

Ленка виновато смотрела то на Бабу, то на меня. Свет Марковой становился всё ярче, а внутри меня всё темнело. Из окон смотрели скорбящие сосны, тихо, по-траурному падал снег. Из моих глаз градом катились слёзы. Жалость и светлая, чистая любовь к странной и необычной Марковой сжимали моё сердце и колотили его, как кузнецы, выковывающие заготовку. В груди как будто образовалась чёрная дыра, которая съедала и уничтожала всё на своём пути.

— Да вот же она! Что вы такое говорите? — рыдал я, показывая на Маркову.

Баба, сдерживая слёзы, положила мне руку на плечо, а Ленка всё смотрела на меня и светилась своим лебединым светом нежности и любви.

□

Екатерина МИТРОФАНОВА —

студентка Петрозаводского лесотехнического техникума.

Увлекается литературным творчеством,

пробует себя как прозаик.

Живет в Петрозаводске.

Лауреат конкурса «Северная звезда-2012»

в номинации «Проза».

Дебют в «Севере».

